

© Т. В. Бернюкевич, Сунь Янь, Н. В. Головки

DOI: [10.15293/2226-3365.1804.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1804.07)

УДК 101+911.3+008+327.8

КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»*

Т. В. Бернюкевич (Москва, Россия), Сунь Янь (Харбин, Китайская народная республика),
Н. В. Головки (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. Инициатива «Один пояс – один путь» – глобальный интеграционный проект, одним из наиболее значимых практических аспектов которого является проблема приграничного сотрудничества. Предлагаемая статья посвящена проблеме специфики взаимодействия глобальных и региональных векторов развития, стратегий и тенденций трансграничного и регионального сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Цель статьи заключается в том, чтобы обобщить культурно обусловленные стратегии и аспекты исследования инициативы «Один пояс – один путь».

Методология. Представленное исследование базируется на комплексном анализе геополитических целей и их сопряженности с практиками приграничного сотрудничества КНР в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Основной подход – сравнительный, компаративистский, позволяющий определить особенности рассмотрения направленности и значимости данной стратегии Китая в контексте мировой политики, современных социально-экономических тенденций и проектов регионального сотрудничества. Обобщаются работы ряда российских, европейских и китайских авторов, что позволяет сделать выводы о различных культурно обусловленных стратегиях и ракурсах исследования инициативы «Один пояс – один путь», о различной культурно обусловленной акцентуации в рассмотрении её идей и проектов.

Результаты. Выявленные особенности глобальных и региональных векторов развития в исследовательской литературе позволили акцентировать внимание на вопросах определения

*Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ по Проекту «Повышение конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (5-100)» в рамках комплексного плана исследований Центра анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии ИФП НГУ в 2017 г.

Бернюкевич Татьяна Владимировна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет).

E-mail: bernyukevich@inbox.ru

Сунь Янь – доцент, кафедра русского языка, Хэйлунцзянский международный университет, г. Харбин, Китайская народная республика.

E-mail: sunyanush@126.com

Головки Никита Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор, кафедра онтологии, теории познания и методологии науки, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

E-mail: govloko@philosophy.nsc.ru

именно локальных механизмов реализации практик международного сотрудничества. Авторы показали, что соответствующее содержание проектов приграничного сотрудничества должно учитывать не только неоднородную значимость инициативы «Один пояс – один путь» для разных стран (в первую очередь, Центральной Азии, России, Европы и приграничных территорий), но также реальную ситуацию локальных приграничных условий взаимодействия. Авторы отмечают, что для полноценной реализации инициативы «Один пояс – один путь», необходимы конкретные шаги по созданию и поддержке особых региональных институтов взаимодействия, развитию уже существующих институтов государственного сотрудничества стран, входящих в сферу действия инициативы.

Заключение. Авторы делают обобщающие выводы о культурно обусловленных стратегиях и аспектах исследования инициативы «Один пояс – один путь».

Ключевые слова: один пояс – один путь; региональное сотрудничество; приграничное сотрудничество; взаимодействие культур; Китай; Россия; Европа.

Постановка проблемы

Китайская инициатива «Один пояс – один путь» (“One Belt One Road”, Belt and Road Initiative) является одним из самых глобальных интеграционных проектов последнего времени. В частности, Международный форум «Один пояс, один путь» (г. Пекин, 14–15 мая 2017) собрал более 1 500 делегатов из 130 стран, включая глав 29 государств Европы, Азии и Латинской Америки¹. При этом одним из наиболее значимых аспектов реализации этой инициативы является проблема приграничного сотрудничества, поскольку именно ее решение раскрывает локальные механизмы реализации самой инициативы и в итоге определяет направление трансформации взаимодействия между государствами, участвующими в интеграции. Даже поверхностный анализ источников показывает повышенный интерес к этой теме. Для российских авторов большое значение имеет общая

оценка инициативы и определение параметров ее значимости для России, и здесь особенно важен анализ проблем приграничного сотрудничества в регионах Сибири и Дальнего Востока [11; 21]. При этом в литературе представлены как оптимистические прогнозы относительно роли данного проекта для российской экономики и политики, так и критический взгляд на возможные последствия. Что касается китайских коллег, то, как правило, их анализ отличаются позитивным восприятием, как самих идей проекта, так и механизмов его реализации, в частности, по тем же вопросам развития сопредельных территорий России и Китая, и необходимости расширения аспектов данного сотрудничества². Кроме того, традиционно, в работах по тематике приграничного сотрудничества в контексте китайских интеграционных проектов, как правило, достаточно много внимания уделяется вопросам геополитических интересов

¹ «Путин в Пекине: как Россия встраивается в китайский Шелковый путь» // rbc.ru 14 мая 2017 19:32 URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/05/2017/59159e0d9a7947318586f81f> (дата обращения: 29.08.2017). См. также: «Международный форум «Один пояс, один путь» // kremlin.ru 14 мая 2017 05:20 URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 29.08.2017).

² См. информационное письмо, подготовленное Государственным комитетом по делам развития и реформ, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века», опубликованное в журнале «Россия и АТР» (2015. № 3. С. 255–270). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24719914>

Китая и его сотрудничества со странами Центральной Азии, а также с Европейским сообществом и, особенно, с восточноевропейскими странами [12; 14; 17]. И здесь оценки также могут разделяться. На наш взгляд, общей проблемой анализируемых источников является неготовность авторов поставить во главу угла значимость культурных и институциональных различий стран, участвующих в интеграционном процессе, что, в первую очередь, может существенно повлиять на оценку перспектив реализации даже такого масштабного проекта, как инициатива «Один пояс – один путь».

Важно показать, что неоднородная значимость инициативы «Один пояс – один путь» для разных регионов и стран (в первую очередь, Центральной Азии, России, Европы и приграничных районов) должна не только отражаться в соответствующем содержании проекта, в котором должны быть представлены разные цели и механизмы для разных территорий, но и соотноситься с реальной ситуацией локальных приграничных условий взаимодействия. На наш взгляд, для полноценной реализации проекта необходимы конкретные шаги по созданию особых институтов, развитию взаимодействия с уже существующими институтами государственного сотрудничества стран, входящих в сферу действия инициативы. Необходимо проанализировать работы ряда российских, европейских и китайских авторов и показать место инициативы «Один пояс – один путь» в стратегическом партнерстве Китая и разных стран, в азиатско-европейской интеграции, в локальных трансграничных и региональных процессах международного сотрудничества, а также подчеркнуть значимость культурных и институциональных различий стран, входящих в зону действия инициативы, для реализации её целей.

Цель статьи заключается в том, чтобы обобщить культурно обусловленные стратегии и аспекты исследования инициативы «Один пояс – один путь».

Методология исследования

Представленное исследование базируется на комплексном анализе геополитических целей и их сопряженности с практиками приграничного сотрудничества КНР в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Основной подход – сравнительный, компаративистский, позволяющий определить особенности рассмотрения направленности и значимости данной стратегии Китая в контексте мировой политики, современных социально-экономических тенденций и проектов регионального сотрудничества. Ниже анализируются работы ряда российских, европейских и китайских авторов, что позволяет сделать выводы о различных культурно обусловленных стратегиях и аспектах исследования инициативы «Один пояс – один путь», о различной культурно обусловленной акцентуации в рассмотрении её идей и проектов и о необходимости учёта данной «полифонии» точек зрения в определении возможных геополитических последствий. Особый акцент делается на проблемах и выделении региональных аспектов приграничного сотрудничества России и КНР.

Результаты исследования

Один из самых распространенных аспектов анализа инициативы «Один пояс – один путь» – это её анализ в контексте становления «нового мирового порядка». Так, в статье «Россия и Китай как опоры нового мирового порядка» известные китаисты М. Л. Титаренко и В. Е. Петровский анализируют проект «Один пояс – один путь» в контексте становления нового мирового порядка, отмечая, что стратеги-

ческое партнерство и конструктивное взаимодействие России и Китая оказывает «всё большее влияние на ход мировых событий, добивающихся более справедливого мирового устройства, изменения сложившейся финансово-экономической системы, реформы глобального управления» [1, с. 7]. По их мнению, российско-китайские отношения становятся важнейшим фактором мира и стабильности, как в регионе, так и в мире в целом. Значимость евразийской интеграции в этом становящемся миропорядке связана, в первую очередь, с тем, что в российской политике придаётся первоочередное значение ситуации в государствах бывшего СССР. А укрепление позиций России в азиатско-тихоокеанском регионе находит отражение в том, что среди россиян «крепнет осознание самоидентификации России как евроазиатской тихоокеанской державы, что в полной мере отвечает особенностям самосознания многонационального населения и геополитическому положению страны» [1, с. 12]. В этом смысле, основная позитивная идея инициативы «Один пояс – один путь» находит отклик у многих авторов, чему свидетельствует значительное количество работ, посвященных сопряжению евразийской интеграции и этой инициативы.

В статье «Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России» И. А. Макаров и А. К. Соколова утверждают, что при положительном результате такого сопряжения, при возможной его реализации оно «...позволит преодолеть потенциальные противоречия в Центральной Азии – наиболее острые из тех, что существуют между Россией и Китаем. Оно докажет, что ЭПШП [Экономический пояс Шелкового пути] и ЕАЭС [Евразийский экономический союз] являются не конкурирующими, а взаимодополняющими проектами: ЕАЭС предлагает институциональные ресурсы

для совместных проектов такой формат создает предпосылки для полномасштабного экономического сотрудничества в регионе» [2, с. 41]. Авторы подчеркивают, что эта стратегия сегодня представляет собой не набор инфраструктурных проектов, а уже комплексную стратегию и становится ключевым элементом внешней и внешнеэкономической политики [3–5]. Определяя проект «Один пояс – один путь» как реакцию на глубинные экономико-политические изменения, происходящие и в Китае, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом, исследователи отмечают наличие настороженности российского экспертного сообщества по отношению к данному проекту, которая, по их мнению, связана не столько с самим им, сколько с общим разочарованием в том, что Россия в последние годы значительно ослабила свои позиции в Центральной Азии. Но виновата в этом отнюдь не новая стратегия Китая, поскольку, как уверены авторы, «у России не было никаких шансов остановить усиление китайского присутствия в регионе. Оно было неизбежно в силу экономического потенциала КНР и объективных факторов, толкающих Китай на Запад» [2, с. 51]. Примечательно то, что эти выводы И. А. Макарова и А. К. Соколовой почти повторяют выводы Ю. В. Морозова, разбиравшего участие России и стран ШОС в энергетических проектах в Центральной Евразии практически десять лет назад [6].

Пожалуй, небезосновательно мнение о том, что стратегия «Один пояс – один путь – это именно геополитическая стратегия, имеющая внешнеполитическую направленность. Так, рассматривая данный проект с точки зрения постановки геополитических задач, М. С. Михалёв указывает, что «к настоящему времени “Один пояс, Один путь” превзошел свои первоначально заявленные инфраструктурные и экономические ориентиры, превра-

тившись по своей сути в амбициозный долгосрочный план продвижения китайской экономической модели по всему миру» [7, с. 88]. Этот тезис автора достоин внимания, поскольку в обосновании его М. С. Михалёв опирается на китайские источники, которые, по мнению автора, «не предназначены для внешней аудитории» [7, с. 89]. Следует с вниманием отнестись к тому, что в контексте глобализации стратегия «Один пояс – Один путь» определяет не только её игроков-лидеров, не только её восточный (центрально-азиатский) вектор, но и механизмы реализации, так сказать, правила игры. Как считает М. С. Михалёв, новый геополитический статус Китая на международной арене при реализации этой стратегии будет связан не только с возможностями страны отстаивать везде свои экономические и политические интересы, но и со способностями «взвалить на себя бремя ответственности за развитие и за благосостояние развивающихся стран мира» [7, с. 90]. При этом автор убеждён, что этот внешнеполитический процесс носит объективный характер и определяется «самой траекторией развития человечества» [7, с. 100]. К аналогичным выводам приходят А. В. Лукин и В. Самохвалов [8; 9].

Крупные геополитические проекты КНР в купе с её всё возрастающей политической активностью, уровнем социально-экономического развития могут связываться с большими возможностями влиять на граничащие с ней страны и вызывать определённое беспокойство. Примером резко негативной оценки этой стратегии в плане угроз и вызовов России именно для приграничных регионов является работа М. В. Александровой «Программа сотрудничества смежных территорий России и Китая: история, факты, пути осуществления».

Она считает, что «Программа развития и возрождения смежных территорий России и Китая», подписанная в сентябре 2009 г. президентом РФ и председателем КНР, является не вполне обоснованным и даже опасным для России проектом. Её уже называют «программой ускоренной “китаизации” Дальнего Востока и Сибири» [10, с. 198]. Надо отметить, что статья М. В. Александровой – это одна из первых работ российских исследователей на эту тему, в дальнейшем, вероятно, часть опасений по поводу «китаизации» восточных регионов была рассеяна самим ходом реализации стратегии «Один пояс – Один путь», кроме того изменился контекст мировых политических событий. Среди последних работ можно отметить работу С. Ф. Санакоева, наглядно иллюстрирующего ход интеграционных процессов на Дальнем Востоке [11].

Безусловно, представители разных стран определяют роль стратегии «Один пояс – Один путь» в контексте социально-политических и социально-экономических вопросов своего региона. Иногда интерес к данной проблематике обнаруживается в изданиях, казалось бы, далёких от неё. Так, целый ряд статей на эту тему был издан в «Балтийском журнале европейских исследований». Б. Сарвари и А. Шейдовиц рассматривают стратегию «Один пояс – Один путь» в контексте отношений между Китаем и ЕС, делая акцент на её политико-экономическом анализе и определении потенциальных возможностей. Эта стратегия также связывается авторами с внешней политикой Китая в условиях глобализации и становления нового многополярного мирового порядка³. Авторы статьи оптимистично оценивают место отношений ЕС и Китая в данной стратегии. Реализация этой стратегии

³ Sárvári B., Szeidovitz A. Political Economics of the New Silk Road // The Belt & Road Initiative in the Global Arena / Eds Cheng Y., Song L., Huang L. – Singapore:

Palgrave Macmillan, 2018. – P. 117–140. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-5921-6_8

означает, по их мнению, не просто вовлечение Китая в глобализацию, а её изменение в соответствии с китайским вектором, но в итоге процесс международного взаимодействия получает дополнительные импульсы и реструктурируется, а не радикально трансформируется. Реализация проекта «Один пояс – Один путь» не вызовет, убеждены европейские исследователи, ослабления позиций США, это поворот к глобальному партнёрству и расширение возможностей развивающихся стран, а геополитическая значимость стратегии «Один пояс – Один путь» будет способствовать стабильности нового мирового порядка.

Много исследований посвящено исследованию форм и механизмов сотрудничества Китая и Европы. Исследователи стремятся определить причины противоречий в сотрудничестве Китая и стран ЕС и возможности их единства, что, по их мнению, определяет разные форматы взаимодействия. Так, в статье И. Штейнбук, Т. Муравской, А. Кузникса подчеркивается, что активное сотрудничество в данном проекте стран Восточной Европы и Китая не противоречат интересам ЕС в целом, а задачи Европейского фонда стратегических инвестиций (EFSD) вполне могут коррелировать с направлениями стратегии «Нового Шелкового пути» [12, с. 32–33]. В другой статье, изданной в этом журнале, её автор Ю. Каплан анализирует возможности данного проекта с точки зрения институционализации новых международных структур, существующих параллельно западным и не конфликтующих с ними. Исследователь также считает, что данный проект представляет собой функциональную структуру без «гегемонистских амбиций», чем она и привлекательна для мирового сообщества, поскольку учитывает гетерогенность сотрудничающих

стран. В то же время эффективность и взаимные выгоды этой стратегии могут быть снижены из-за традиционных претензий идей «западного господства» [13]. Что касается вопросов определения значения стратегии «Один пояс – Один путь» для отдельных стран, то интересна точка зрения Д. Димитриевича о китайских инвестициях в сербскую экономику и о сотрудничестве Сербии и Китая в рамках этого глобального проекта. Автор отмечает, что китайские инвестиции стали движущей силой экономических и других отношений между Сербией и КНР и одновременно это своеобразная проверка возможности реализации целей «Нового шелкового пути» в европейском пространстве в целом [14]. В работах европейских авторов, в первую очередь, подчеркивается идеологическое единство политического и экономического пространства Европы, готовность принимать участие в китайских интеграционных инициативах как единое целое (включая Россию как европейскую страну) [15–18].

В подавляющем большинстве работ китайских исследователей подчеркивается обоюдная выгода инициативы «Один пояс – один путь» как для КНР, так и для России. К примеру, известный специалист по развитию интеграционных проектов КНР на Дальнем Востоке В. Минцин пишет: «Стратегия “Один пояс – один путь” необходима для эффективного сотрудничества между Китаем и Россией, она не только укрепит экономическое сотрудничество, но и будет содействовать взаимному уважению регионов, содействовать их совместному развитию на основе взаимного уважения и культурного диалога. <...> Стратегия также повышает общий уровень геополитических и геоэкономических отношений, геополитических и культурных связей»⁴. В отношении северо-восточного

⁴ Ван Минцин. «Исследование отношений геоэкономики между Северо-Востоком Китая и Дальним Востоком России». Диссертация на соискание ученой

степени доктора наук. Северо-Восточный Педагогический университет (Northeast Normal University, г. Чанчунь, пров. Цзилинь). – С. 57.

направления данная стратегия акцентирована на отношениях «Китай, Монголия и Россия». В этом направлении существуют уже определенные основания для сотрудничества, поскольку есть города, где когда-то уже осуществлялось активное взаимодействие, такие как Хэйхэ и Маньчжурия. По мнению исследователя, если Дальний Восток России эффективно использует возможности стратегии «Один пояс – один путь», то он может получить значительно большие возможности, чем другие регионы, тем более, что северо-восток Азии является источником шелкового пути на суше и на море⁵. Реализация этого направления зависит от многих факторов, в том числе «российское правительство должно прилагать усилия для преодоления “узких мест” в инфраструктуре, связанной с субрегиональным экономическим развитием в обеих странах, а также необходимо активное участие в проектах сотрудничества в приграничных зонах экономического сотрудничества»⁶. В данном случае интересна трактовка понятия «гео-отношения», в этой трактовке отмечается, что благодаря внутренней связи между гео-отношениями и гео-экономическими отношениями с содержательной точки зрения гео-отношения представляют собой совокупность различных геофакторов, среди которых географическое положение является ядром, геополитические отношения выступают основой, гео-экономические отношения – гарантией безопасности, а геокультурные отношения являются связующим звеном. При этом геополитические отношения в гео-отношениях играют ведущую роль в определении направления экономического сотрудничества и его целей.

Л. Жуйсы и Ц. Чжэньцзюнь, исследователи из Муданьцзянского педагогического университета (Mudanjiang Normal University, г. Муданьцзян, пров. Хэйлунцзян), уверены, что инициатива «Один пояс – Один путь» сформирует новые тенденции развития Северо-Восточного Китая, которые связаны, в том числе, и с приграничным сотрудничеством в России. Исследователи подчеркивают, что географическое и стратегическое положение трех северо-восточных провинций очень важно, но, чтобы воспользоваться их географическим преимуществом и оживить местную экономику, опираясь на инициативу «Один пояс – Один путь» (особенно это касается российской границы с провинцией Хэйлунцзян), «предстоит активизировать сотрудничество по многим направлениям»⁷. Авторы отмечают, что провинция Хэйлунцзян и приграничные районы России имеют длительную историю сотрудничества. В настоящее время расширилась местная приграничная торговля (особенно виден прирост в провинции Хэйлунцзян), но следует также продолжать расширять и модернизировать сферы взаимодействия, чтобы обе стороны достигли наивысшего уровня стратегического сотрудничества. В качестве мер по достижению этой цели предлагается: усиление внимания на строительство инфраструктуры, в частности строительство железнодорожного коридора и региональной сети железных дорог «Провинция Хэйлунцзян – Россия», активное содействие строительству Евразийского высокоскоростного транспортного коридора из Пекина в Москву. Необходимо ускорить развитие научно-технического инновационного пред-

⁵ Там же. – С. 65.

⁶ Там же. – С. 69.

⁷ Ли Жуйсы, Цзян Чжэньцзюнь. «Перспективы регионального сотрудничества на Северо-востоке Китая и

Дальнем Востоке России в стратегии “Один пояс – один путь”» // Proceedings of Mudanjiang Normal University. – 2016. – № 3. – С. 31.

принимательства, поощрять различные отделы и предприятия по укреплению технологических обменов и сотрудничества с Россией. Так, Китай планирует инвестировать 10 млрд юаней для создания высокотехнологичного промышленного парка России в Шэньяне, научно-исследовательских центров, включающих аэрокосмические технологии, био-инженерию. Северо-Восточный регион Китая должен быть направлен в своем развитии на укрепление технического сотрудничества, формирование высокотехнологичных движущих сил. Для реализации стратегии нужно укрепить сотрудничество с Россией в области энергетики. Авторы подчеркивают, что энергетическая безопасность – это необходимая надежная защита экономического развития Китая, особо останавливаясь на перспективах её решения в рамках проекта «Один пояс – один путь»⁸. Для достижения оптимального развития энергетической отрасли, по их мнению, нужно использовать местные преимущества, которые открывают возможности сотрудничества КНР и РФ. Расширение энергетического сектора России в Северо-Восточном регионе Китая связано и с общей политической и экономической ситуацией в мире. Европа являлась для России одним из крупнейших рынков сбыта энергоресурсов. С изменением ситуации на международном энергетическом рынке, с упрощением экспорта энергоносителей, для России, очевидно, ограничивается экспорт энергоресурсов, что станет скрытой угрозой для обеспечения стабильной работы экономики страны. Авторы подчеркивают общеполитический контекст этой ситуации: «В последние годы постепенно ухудшаются отношения с Россией США и их европей-

ских союзников. Экономические санкции оказывают сильное давление на экономику, Россия сталкивается с непростой международной обстановкой. Для того чтобы изменить свое положение в условиях сложного экономического кризиса, Россия стала придавать значение потенциалу развития Востока. Развитие в восточном направлении – это, в основном, Китай и ряд стран – бывших республик Советского Союза»⁹. При этом северо-восточному региону Китая необходимо найти новые направления сотрудничества в области экспорта товаров в восточной части России. Необходимо не только продолжать расширять сотрудничество в сфере торговли, но и найти новые точки роста, новые оригинальные формы сотрудничества, такие как кооперация труда, ресурсы совместного развития в сфере туризма, которые требуются региону на северо-востоке.

Китайские исследователи считают, что одной из задач приграничного сотрудничества России и Китая в рамках стратегии «Один пояс – Один путь» является достижение равновесия уровней развития Востока и Запада, что возможно путем улучшения качества жизни людей, преодоления демографического кризиса в России и предотвращения «утечки мозгов»¹⁰. В процессе продвижения к уровню западного развития Россия должна воспользоваться возможностями экономического роста, разработать меры по обеспечению трудовой занятости населения, улучшению качества жизни людей, эффективности деятельности региональной власти и политики, а также, в соответствии с местными условиями разработать разумную миграционную политику для привлечения участия рабочей силы в различных сферах экономики. Возрождение северо-

⁸ Там же. – С. 32.

⁹ Там же. – С. 33.

¹⁰ Там же. – С. 34.

восточной промышленной базы в Китае создало условия для новой стратегии экономического развития в Северо-Восточной Азии, стремящейся сохранить динамику тенденции сотрудничества с Россией. К положительным условиям относится то, что обе стороны имеют общее пространство для развития в области энергетики, технического сотрудничества, в области туристических ресурсов. Как отмечают китайские исследователи, в процессе сотрудничества возникает и ряд препятствий, которые не могут быть проигнорированы. К таким препятствиям они относят отношение России к открытию новых фирм, которых для развития Дальнего Востока России явно недостаточно. Привлечение иностранных инвестиций в целях укрепления технического сотрудничества требует отношения открытости и исполняемых законов для их поддержки. Негативным фактором, отмечается в статье, является и то, что значительное количество людей на Дальнем Востоке опасаются повышения государственной мощи Китая, видя в этом «китайскую угрозу»¹¹.

Создание и внедрение институциональных механизмов должно способствовать удовлетворению потребностей сотрудничества в области развития обеих сторон. В этом отношении, по мнению китайских исследователей, Россия всё еще находится в стадии политической и экономической трансформации, а неэффективность руководства, распространённость коррупции среди чиновников, недостатки в работе органов исполнительной политики, в законодательной сфере и другие практические проблемы также негативно влияют на ряд задач сотрудничества между Китаем и Россией. К внешним негативным факторам, по их мнению, относится фактор давления со стороны международных сил. Северо-Восточная

Азия стала важным регионом экономического развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире, что привело к тому, что сотрудничество между Китаем и Россией в регионе стало испытывать давление со стороны конкурентов, при этом обе стороны (КНР и Россия) открыты по отношению к странам Северо-Восточной Азии и миру в целом, и поэтому сам процесс сотрудничества является многосторонним. Для Северо-Восточного региона Китая важно укреплять научно-техническое сотрудничество с Дальним Востоком РФ в таких областях, как авиация, морская, ядерная технология, волоконно-оптическая и в других областях основных технологий мирового класса. В настоящее время, уверены исследователи, есть основания полагать, что в связи с этим сотрудничество Северо-Восточного Китая и России будет успешным, будет оказывать содействие реструктуризации экономики и экономическому развитию в регионе¹².

Считается, что значительным, но преодолемым препятствием для реализации стратегии «Один пояс – один путь» является недостаточная развитость приграничной инфраструктуры, к «геополитическим опасностям», которые могут угрожать именно приграничному пространству проектов «Один пояс – один путь». В работе «Развитие пограничных пропускных пунктов и строительство «Одного пояса – одного пути»», опубликованной в издаваемом в Китае журнале «Международное и экономическое сотрудничество» (2016, № 1) Г. Хуюй и Ч. Цайхуа отмечают так называемые три силы зла (терроризм, экстремизм, сепаратизм). По их мнению, эти «силы» могут представлять большую угрозу безопасности страны именно в приграничных районах, это связано с большим потоком людей разных национальностей, пересекающих границу,

¹¹ Там же. – С. 31.

¹² Там же. – С. 37.

наличием разных незаконных путей пересечения границы, случаями контрабанды и таможенной коррупции. Высказывается убеждение о необходимости различных форм «межрегиональной кооперации» в рамках стратегии «Один пояс – один путь», при этом отмечается, что механизм региональной поддержки локальных направлений стратегии в КНР отстает от общего планирования. Здесь же можно отметить повышенное внимание китайских коллег и к другим важным вопросам трансграничного сотрудничества. Одной из таких проблем являются трансграничные вопросы использования водных и энергетических ресурсов в Центральной Азии, что, безусловно, связано и с задачами проекта «Один пояс – Один путь». Важность этого вопроса в геополитическом аспекте определяется тем, что трансграничные водные ресурсы могут стать источником напряженности и ожесточенной конкуренции между странами из-за растущего глобального дефицита ресурсов пресной воды в Центральной Азии. По мнению ряда исследователей, новая китайская стратегия может способствовать развитию сотрудничества в этой сфере, поскольку охватывает весь Азиатско-тихоокеанский регион. Для того чтобы «Новый Шелковый путь» способствовал решению этих важных вопросов необходимо создание новых институтов трансграничного сотрудничества, предотвращение конфликта интересов и укрепление регионального приграничного сотрудничества [19; 20].

Показательным отличием риторики китайских авторов от риторики их российских и европейских коллег является именно акцент на том, как на реализацию проекта «Один пояс – один путь» влияют культурные и институциональные различия. Так, китайский автор Л. Чжан для описания отмеченных культурных и ин-

ституциональных различий при приграничном сотрудничестве, использует термины «культурная дистанция» и «институциональная дистанция» (цит. по: [21]). Культурная дистанция определяется как различия между национальными культурами Китая и сотрудничающих с ним стран, которые влияют на степень взаимодействия. Институциональная дистанция – это степень сходства или различий между уровнем экономического развития сотрудничающих стран. В этом смысле, например, рассматривая китайскую экономическую экспансию, можно прийти к выводу о том, что хотя китайские фирмы инвестировали в последние годы в большее количество стран, однако культурные, институциональные и географические различия по-прежнему являются основными факторами, влияющими на выбор места для инвестиций за рубежом, – представители китайских бизнес-структур более склонны инвестировать в страны с культурной и географической близостью [22]. И если исследования, посвященные культурной дистанции в приграничных регионах, по видимому, демонстрируют определенный оптимизм в плане развития дальнейших отношений России и Китая [23–25], то анализ институциональной дистанции, несомненно, говорит о наличии больших проблем в этой области [26; 27].

Заключение

Таким образом, подводя итог следует отметить, что в большинстве проанализированных работ российских, европейских и китайских авторов инициатива «Один пояс – один путь» признаётся как проект, если не радикально изменяющий мировой порядок, то вносящий в него значительные коррективы, которые связаны не только с перспективами стабилизации политической ситуации в мире, но и с

перспективами экономического роста и экономической интеграции. Выборочный анализ публикаций позволяет сделать выводы об определенном видении общих вопросов инициативы, акцентах в рассмотрении её социально-политических, социально-экономических, институционально-стратегических, культурных перспектив для стран и регионов, охватываемых этим масштабным проектом. Само это видение является отражением геополитической значимости инициативы «Один пояс – один путь», спектра ожиданий, связанных с её реализацией и может быть интересно как для характеристики восприятия инициативы сегодня, так и для возможного выявления её перспектив, в частности, при решении вопросов модернизации конкретных аспектов взаимодействия между государствами, а также – развития культурных практик, отвечающих целям инициативы. Вопрос о том, каким образом воспринимается и должно восприниматься воплощение этих идей в тех регионах России, которые являются приграничными по отношению к Китаю, имеют свою культурную

специфику и достаточно длительный опыт взаимодействия с региональными культурами соответствующих приграничных районов КНР, остается открытым. Конечно, учет особенностей приграничных региональных культур и их использование в практике сотрудничества КНР и России способен придать новый импульс развитию приграничных регионов. Однако может оказаться, что акцент именно на культурном потенциале приграничных российских территорий отчасти связан со своеобразным желанием «компенсации» их социально-экономической слабости по сравнению с современной ситуацией развития соответствующих приграничных районов Китая. В этом смысле, будущее инициативы «Один пояс – один путь» напрямую зависит не только от того, насколько проработаны, осознаны и приняты именно локальные механизмы реализации практик сотрудничества на институциональном уровне, но и, что более важно, насколько эти локальные механизмы проработаны и находят отклик на культурном уровне взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Титаренко М. Л., Петровский В. Е.** Россия и Китай как опоры нового мирового порядка // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2015. – Т. 20, № 20. – С. 7–28. DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/9785-0324-2015-00001> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25124662>
2. **Макаров И. А., Соколова А. К.** Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – Т. 11, № 2. – С. 40–57. DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-02-40> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26236522>
3. **Ларин А. Г.** К анализу сущности проекта ЭПШП и его сопряжения с ЕАЭС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2016. – Т. 21, № 21. – С. 138–149. DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/9785-0324-2016-00025> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26704855>
4. **Сыроежкин К. Л.** Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП // Россия и новые государства Евразии. – 2016. – № 2 (31). – С. 37–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26463829>
5. **Лузянин С. Г.** «Один пояс, один путь»: Российская проекция и проблемы сопряжения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2017. – Т. 22, № 22. – С. 27–36. DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/9785-0324-2017-00002> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30317642>

6. **Морозов Ю. В.** Россия, Запад и страны ШОС в энергетических проектах Центральной Евразии // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – № 5 (59). – С. 78–93. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18853465>
7. **Михалёв М. С.** «Один пояс, Один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2016. – Т. 9, № 6. – С. 88–103. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29197956>
8. **Лукин А. В.** Китайский глобальный проект для Евразии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2016. – Т. 9, № 6. – С. 9–13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29197945>
9. **Samokhvalov V.** The new Eurasia: post-Soviet space between Russia, Europe and China // European Politics and Society. – 2016. – Vol. 17, Issue Supplement 1. – P. 82–96. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/23745118.2016.1171285>
10. **Александрова М. В.** Программа сотрудничества смежных территорий России и Китая: история, факты, пути осуществления // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2010. – Т. 15, № 15. – С. 198–222. DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/9785-0324-2010-00015> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21616461>
11. **Санакоев С. Ф.** Экономический пояс Шелкового пути и российский Дальний Восток // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2016. – Т. 9, № 6. – С. 17–18. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29197949>
12. **Šteinbuka I., Muravska T., Kuznieks A.** Cooperation Formats of China and Europe: Synergies and Divergences // Baltic Journal of European Studies. – 2017. – Vol. 7, № 1. – P. 98–118. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/bjes-2017-0007>
13. **Kaplan Y.** China's OBOR as a Geo-Functional Institutional project // Baltic Journal of European Studies. – 2017. – Vol. 7, № 1. – P. 7–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/bjes-2017-0002>
14. **Dimitrijevič D.** Chinese Investments in Serbia – A Joint Pledge for the future of the new Silk Road // Baltic Journal of European Studies. – 2017. – Vol. 7, № 1. – P. 64–83. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/bjes-2017-0005>
15. **Casarini N.** When All Roads Lead to Beijing. Assessing China's New Silk Road and its Implications for Europe // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. – 2016. – Vol. 51, Issue 4. – P. 95–108. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/03932729.2016.1224491>
16. **Eom G. H.** Silk roads again: Revisiting roads connecting Eurasia // Journal of Eurasian Studies. – 2017. – Vol. 8, Issue 1. – P. 1–2. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2016.12.002>
17. **Holslag J.** How China's New Silk Road Threatens European Trade // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. – 2017. – Vol. 52, Issue 1. – P. 46–60. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/03932729.2017.1261517>
18. **Wilson J. L.** The Eurasian Economic Union and China's silk road: implications for the Russian–Chinese relationship // European Politics and Society. – 2016. – Vol. 17, Issue Supplement 1. – P. 113–132. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/23745118.2016.1171288>
19. **Guo L., Zhou H., Xia Z., Huang F.** Evolution, opportunity and challenges of transboundary water and energy problems in Central Asia // SpringerPlus. – 2016. – № 5. – P. 1918. DOI: <https://dx.doi.org/10.1186/s40064-016-3616-0>
20. **Bernauer T., Siegfried T.** Climate change and international water conflict in Central Asia // Journal of Peace Research. – 2012. – Vol. 49, Issue 1. – P. 227–239. DOI: <https://dx.doi.org/10.1177/0022343311425843>

21. **Морозова В. С.** Потенциал региональных культур Забайкальского края РФ и Северо-Восточного региона КНР как ресурс соразвития приграничных территорий // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2013. – № 4 (51). – С. 135–141. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20279488>
22. **Хань Л.** Перспектива стыковки стратегии «Один пояс – один путь» и Евразийского экономического союза // Управленческое консультирование. – 2015. – № 11 (83). – С. 66–70. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25099312>
23. **Peugous S.** Discussing China: Sinophilia and Sinophobia in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. – 2016. – Vol. 7, Issue 1. – P. 14–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2015.10.003>
24. **Жуков А. В., Жукова А. А.** Проекция и рецепция образов Китая в обыденном сознании российского населения Байкальского региона с XVII по XX вв. // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2014. – № 4. – С. 130–138. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22079020>
25. **Кэвэн В., Бернюкевич Т. В.** Факторы, этапы становления и развития русской культуры Харбина // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2013. – № 5. – С. 105–109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21573504>
26. **Contessi N. P.** Central Asia in Asia: Charting growing trans-regional linkages // Journal of Eurasian Studies. – 2016. – Vol. 7, Issue 1. – P. 3–13. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2015.11.001>
27. **Malle S.** Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior // Journal of Eurasian Studies. – 2017. – Vol. 8, Issue 2. – P. 136–150. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003>

DOI: [10.15293/2226-3365.1804.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1804.07)

Tatiana Vladimirovna Bernyukevich,

Doctor of Philosophy Sciences, Associate Professor,

Department of History and Philosophy,

Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4471-0381>

E-mail: bernyukevich@inbox.ru

Sun Yan,

Associate Professor,

Department of Russian Language,

Heilongjiang International University, Harbin, People's Republic of China.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7799-6155>

E-mail: sunyannushi@126.com

Nikita Vladimirovich Golovko,

Doctor of Philosophy Sciences, Professor,

Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science,

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

Cultural strategies and aspects of research the "One Belt One Road" initiative

Abstract

Introduction. The “One Belt One Road” Initiative is a global integration project, one of the most significant practical aspects of which is the problem of cross-border cooperation. The article is devoted to the identification of the specifics and interaction of global and regional development vectors and their role in strategies and trends of cross-border and regional cooperation within the Initiative framework. On the basis of the analysis of a number of works by Russian, European and Chinese authors, the article aims to summarize the existing ideas about local mechanisms and specific practices of cross-border cooperation, as well as the prospects for the strategic partnership between China and other countries within the Asian-European integration, to emphasize the significance of cultural and institutional differences between the engaged countries for the realization of the Initiative goals.

Materials and Methods. The article selectively analyzes the research papers of a number of Russian, European and Chinese authors devoted to geopolitical interests and practices of cross-border cooperation within the framework of the “One Belt One Road” Initiative. Consideration of the features of global and regional development vectors in diverse research literature makes it possible to focus attention on the issues of determining exactly the local mechanisms for realizing the practices of international cooperation.

Results. A comprehensive approach to analyzing not only the geopolitical goals of the “One Belt One Road” Initiative, but also their interfacing with local practices of cross-border cooperation, helps to determine the directions of transformation in the implementation of the Initiative at the regional level. The authors showed that the appropriate content of cross-border cooperation projects should not only take into account the heterogeneous significance of the “One Belt One Road” Initiative for different countries (primarily Central Asia, Russia, Europe and border regions), but also take into account the

actual situation of local border conditions of interaction. For the full implementation of the “One Belt One Road” Initiative concrete steps are needed to create and support specific regional institutions for cooperation, to develop existing institutions of state cooperation of the countries that are part of the Initiative.

Conclusions. In most of the analyzed works by Russian, European and Chinese authors, the “One Belt One Road” Initiative is recognized as a project, which is linked to the prospects for stabilizing the political situation in the world, and the prospects of economic growth and economic integration. The geopolitical significance of the “One Belt One Road” Initiative is emphasized by a whole range of stated expectations (socio-political, socio-economic, institutional, strategic, cultural, etc.) related to its implementation, but the modernization of specific aspects of interaction between states, the development of cultural practices which meet the objectives of the initiative – all this remains at the level of a statement of intent. The importance of global economic integration is clear to everyone, but when it comes to specific projects, in particular in the field of cross-border cooperation, then good undertakings face a harsh reality – many countries are not ready for an equal participation in integration, either institutionally or culturally.

Keywords

One Belt One Road Initiative; regional cooperation; cross-border cooperation; interaction of cultures; China; Russia; Europe

Acknowledgements

The reported study was supported by Russian Ministry of Science and Education under 5-100 Excellence Programme

REFERENCES

1. Titarenko M. L., Petrovsky V. Ye. Russia and China as Mainstays of the New World Order. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 2015, vol. 20, no. 20, pp. 7–28. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/9785-0324-2015-00001> <https://elibrary.ru/item.asp?id=25124662>
2. Makarov I. A., Sokolova A. K. Pairing Eurasian integration and the Economic belt of the Silk Road: opportunities for Russia. *International Organisations Research Journal*, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 40–57. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-02-40> <https://elibrary.ru/item.asp?id=26236522>
3. Larin A. G. To the analysis of the essence of the ESPN project and its interface with the EAPS. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 2016, vol. 21, no. 21, pp. 138–149. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/9785-0324-2016-00025> <https://elibrary.ru/item.asp?id=26704855>
4. Syroezhkin K. L. Conjugation of the EAEC and EPS. *Russia and New States of Eurasia*, 2016, no. 2, pp. 37–55. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26463829>
5. Luzyanin S. G. "One belt, one way": Russian projection and connectivity problems. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 2017, vol. 22, no. 22, pp. 27–36. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/9785-0324-2017-00002> <https://elibrary.ru/item.asp?id=30317642>
6. Morozov Yu. V. Russia, the West, and the SCO Countries in the Central Eurasia Energy Projects. *Central Asia and the Caucasus*, 2008, no. 5, pp. 78–93. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18853465>
7. Mikhalev M. S. "One Belt, One Road" Project as a new foreign policy strategy of China. Short analysis of the discussion inside China. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2016, vol. 9, no. 6, pp. 88–103. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29197956>

8. Lukin A. V. Chinese Global Project for Eurasia. *Contours of global transformations: politics, economics, law*, 2016, vol. 9, no. 6, pp. 9–13. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29197945>
9. Samokhvalov V. The new Eurasia: post-Soviet space between Russia, Europe and China. *European Politics and Society*, 2016, vol. 17, issue Supplement 1, pp. 82–96. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/23745118.2016.1171285>
10. Aleksandrova M. V. Program of cooperation of the adjacent territories of Russia and China: history, facts, ways of implementation. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 2010, vol. 15, no. 15, pp. 198–222. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/9785-0324-2010-00015> <https://elibrary.ru/item.asp?id=21616461>
11. Sanakoyev S. F. The economic belt of the Silk Road and the Russian Far East. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2016, vol. 9, no. 6, pp. 17–18. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29197949>
12. Šteinbuka I., Muravska T., Kuznieks A. Cooperation Formats of China and Europe: Synergies and Divergences. *Baltic Journal of European Studies*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 98–118. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/bjes-2017-0007>
13. Kaplan Y. China's OBOR as a Geo-Functional Institutional project. *Baltic Journal of European Studies*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 7–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/bjes-2017-0002>
14. Dimitrijevič D. Chines Investments in Serbia – A Joint Pledge for the future of the new Silk Road. *Baltic Journal of European Studies*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 64–83. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/bjes-2017-0005>
15. Casarini N. When All Roads Lead to Beijing. Assessing China's New Silk Road and its Implications for Europe. *International Spectator: Italian Journal of International Affairs*, 2016, vol. 51, issue 4, pp. 95–108. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/03932729.2016.1224491>
16. Eom G. H. Silk roads again: Revisiting roads connecting Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*, 2017, vol. 8, issue 1, pp. 1–2. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2016.12.002>
17. Holslag J. How China's New Silk Road Threatens European Trade. *International Spectator: Italian Journal of International Affairs*, 2017, vol. 52, issue 1, pp. 46–60. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/03932729.2017.1261517>
18. Wilson J. L. The Eurasian Economic Union and China's silk road: implications for the Russian–Chinese relationship. *European Politics and Society*, 2016, vol. 17, issue Supplement 1, pp. 113–132. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/23745118.2016.1171288>
19. Guo L., Zhou H., Xia Z., Huang F. Evolution, opportunity and challenges of transboundary water and energy problems in Central Asia. *SpringerPlus*, 2016, no. 5, pp. 1918. DOI: <https://dx.doi.org/10.1186/s40064-016-3616-0>
20. Bernauer T., Siegfried T. Climate change and international water conflict in Central Asia. *Journal of Peace Research*, 2012, vol. 49, issue 1, pp. 227–239. DOI: <https://dx.doi.org/10.1177/0022343311425843>
21. Morozova V. S. Regional Cultures Potential of Zabaikalsky Krai (Russia) and Dongbei (China) as a Resource for Border Areas Co-development. *Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy, Cultural Studies, Sociology, Social Work*, 2013, no. 4, pp. 135–141. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20279488>
22. Han L. Prospect of the Correlation of the Strategy "One Belt - One Road" and the Eurasian Economic Union. *Administrative Consulting*, 2015, no. 11, pp. 66–70. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25099312>
23. Peyrous S. Discussing China: Sinophilia and Sinophobia in Central Asia. *Journal of Eurasian Studies*, 2016, vol. 7, issue 1, pp. 14–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2015.10.003>

24. Zhukov A. V., Zhukova A. A. Projections and Receptions of Chinese Images on Everyday Consciousness of the Russian Population in the Baikal Region from XVII till XX Centuries. *Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy, Cultural Studies, Sociology, Social Work*, 2014, no. 4, pp. 130–138. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22079020>
25. Keven V., Bernyukevich T. Factors, Stages of Formation and Development of Russian Culture in Kharbin. *Transbaikal State University Journal*, 2013, no. 5, pp. 105–109. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21573504>
26. Contessi N. P. Central Asia in Asia: Charting growing trans-regional linkages. *Journal of Eurasian Studies*, 2016, vol. 7, issue 1, pp. 3–13. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2015.11.001>
27. Malle S. Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior. *Journal of Eurasian Studies*, 2017, vol. 8, issue 2, pp. 136–150. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003>

Submitted: 30 March 2018 Accepted: 02 July 2018 Published: 31 August 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).